

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Читая Катрин Малабу

Взрыв мозга: пластичность против гибкости

Рецензия на книгу: Катрин Малабу.

Что нам делать с нашим мозгом?

Пер. с франц. К. Саркисова. М.: V-A-C Press, 2019.

Екатерина Старикова*

Бывает, революции совершаются незаметно, они происходят не на баррикадах и творятся отнюдь не массами, а готовятся незаметно в исследовательских лабораториях и провозглашаются скупым языком научных конференций. Линия разграничения при этом пролегает в поле очень малых различий, которые лишь затем, спустя довольно продолжительное время, становятся принципиальными полюсами размежевания для целых поколений исследователей. Нейробиология – вот главный генератор революционных изменений в теории и эпистемологии, начиная с 80-х годов прошлого века. Открытие нейро-пластичности – способности мозга изменяться под воздействием опыта – трансформировало не только наше знание и нашу субъективность, но и мир в целом. Одну из этих принципиальных линий разграничения обозначает и описывает известная французская мыслительница Катрин Малабу в своей книге «Что нам делать с нашим мозгом?» (2004), изданной на русском языке издательством V-A-C Press в 2019 году.

Исследовательское поле, в котором работает Малабу, располагается на стыке континентальной философии, нейро-наук и гендерных исследований. Ее интерес к понятию «пластичности» имеет давнюю историю – еще в 1994 году она защитила диссертацию под руководством Жака Деррида по теме: «Будущее Гегеля: пластичность, темпоральность, диалектика». В отличие от автора «О грамматологии», Малабу в своей попытке деконструк-

---

* Старикова Екатерина Васильевна, канд. филос. н., доцент кафедры философии Тюменского государственного университета. 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: katstr00@gmail.com Ekaterina V. Starikova, Ph.D. in philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Tyumen State University. 625003, Tyumen, st. 6. Volodarsky, e-mail: katstr00@gmail.com

ции мира делает ставку именно на пластичность, а не на письмо. Пластичность амбивалентна: манипулятивна и эксплозивна. Для Малабу концепт пластичности является основополагающим, изменяющим контекст науки, философии, и мира в целом.

Новая форма знания о человеке, возникшая в нейро-науках, с необходимостью коррелирует с новой формой организации мира. Мы уже живем в новом, сетевом и децентрализованном, мире, но не знаем об этом. Вводя и отстаивая понятие «пластичности» в философское поле, Малабу не просто утверждает новую исследовательскую область, она диктует политику освобождения. Заступая в область, по сути, социальной философии, Малабу пытается показать, что новые исследования механизмов работы мозга и само понимание его «чтойности», по-новому расчерчивают карту человеческих потребностей, управляют свободным временем и открывают для каждого из нас механизмы освобождения от рутины прибавочного труда. Телесность при этом занимает подобающее место, заново мобилизуется в социальных науках, после периода забвения:

«... нецентрированное и сетчатое сплетение мозга и тела, эта неразличимость приказа и исполнения – далеко не простые биологические данности. Они также соответствуют определенному политическому, социальному и экономическому состоянию мира... Так что описывать пластичность мозга – значит непременно интерпретировать зеркальные отношения между нервной системой и системой мира, то есть между мозгом и глобализацией».¹

Малабу выстраивает свое изложение на принципиально междисциплинарных основаниях. Поэтому ее текст, хотя и возникает как «философское обобщение» нейро-открытий, адресован не только философам и не только биологам, но и целому кругу широкой публики, занятой политиками себя, проработкой смысла своей повседневности и интенсификацией своей профессиональной активности. Почему этот круг столь широк? Потому что речь в работе идет о характеристиках эпохи: мы все живем внутри глобального капитализма и нейро-исследования разворачиваются именно в этой социально-экономической перспективе. Вслед за авторами «Нового духа капитализма» Л. Болтански и Э. Кьяпелло, Малабу говорит об обусловленности биологического и политического «функционированием капитализма в данный момент его истории». Капитализм изменил свою форму, с фордистской на постфордистскую, и этот переход связан с новой формой знания о нашем теле.

«Сетевая организация, отсутствие иерархии, децентрализованный контроль, лабильность, мобильность – новый менеджмент является объективной версией структуры нервной системы, выявленной современной нейробиологией».²

Капитализм вполне современен, но проблема в том, что его форма лишь частично соответствует нейро-пластичности как принципиальной характеристике нашего мозга, лишая ее амбивалентности. Именно здесь, через односторонность трактовки этого принципиального свойства нашего мозга, проходит тонкая грань, отделяющая творчество от производства. Для Малабу именно амбивалентность пластичности является основным напряжением, которое позволяет мозгу и адаптироваться, и сопротивляться, «взрываться» в новое состояние, не подчиняться огрубляющей логике контроля и эксплуатации. Этот конфликт и есть характеристика пластичности, в то время как капитализм считает только половину – ее адаптивную способность.

Именно поэтому, в силу такого расширительно-телесного понимания ограниченности капитализма, книга Малабу – это антикапиталистический манифест. Конечно, критика капитализма уже несколько скомпрометировала себя, являясь своеобразным местом международного хайпа³ – критиковать капитализм и неолиберализм сегодня готов едва ли не каждый интеллеktуал. Именно это дает основание Жюли Реше упрекать Малабу в том, что она лишь «для приличия» воспроизводит этот критический выпад, в то время как он вовсе не вписывается в ее общую концепцию пластичности. Однако, поскольку капитализм посягает на амбивалентность пластичности, дискредитируя ее сложность, Малабу важно разобраться с ним и восстановить равновесие.

Мы мало что знаем об открытиях в нейробиологии, зато знаем все об основах организации труда, говорит нам Малабу, тем самым расширяя поле трактовки своего интереса и предьявляя нашу безусловную встроенность в универсальный капиталистический миропорядок. Задача ее книги – способствовать осознанию нейро-открытий во всей их полноте, что обеспечит возможность своевременно менять само пространство политического. При этом автор позиционирует себя вовсе не в русле политической критики, главной ошибкой которой она считает оппозиционность сопротивления. Для Малабу важно не противопоставлять биологическое символическому, имманентное – трансцендентному, но показать их чередование. Это позволит избежать ошибки бесконечных интерпретаций и нагромождений символического, но вновь повернет фокус на материальное измерение.

«...если мы и дальше продолжим утверждать приоритет символического, то никакой политической критике не удастся избежать усвоения капиталистической системой». ⁴

Знание о человеке привычно сконцентрировано в корпусе гуманитарных дисциплин, но они все еще слишком дисциплинируют самого человека, слишком надеются на символическое, на культуру, в ущерб материальному и природному – биополитика вытесняет биологию. Однако, именно биология и открытие нейро-пластичности оказывается, согласно Малабу, ресурсом для сопротивления перегруженности символическим.

Пластичность и гибкость

Пластичность мозга или нейро-пластичность – это то, о чем уже несколько десятков лет пишет литература по нейро-наукам. Оказывается, мозг не ригидное, генетически предзаданное, образование, но пластичная структура, способная изменяться на протяжении всей жизни человека. Мы способны перенастраивать свой мозг под новые задачи, при этом возникают новые нейронные цепочки. Это изменяет не только клиническую практику, позволяя пересмотреть протоколы лечения неврологических заболеваний и посттравматических состояний, – вместе с тем изменяется и символическое – политическое и социальное измерения жизни человека.⁵

Малабу подчеркивает, что мозг – это произведение, даже скорее производство, а не результат – в этом его процессуальность и историчность. Мозг адаптивен, он не задан раз и навсегда, и постоянно подстраивается под разнообразные условия. Но, есть одно важное «но» – нейро-пластичность означает не только эту адаптивность.

«Говорить о пластичности мозга значит рассматривать его как *инстанцию разом изменяемую, «формуемую» и формирующую*». ⁶

Пластичность амбивалентна, внутренне противоречива и обладает взрывной силой, иными словами – пластичность содержит и элемент деструктивности.

«Слово «пластичность», стало быть, раскрывает свой смысл в диапазоне между скульптурной формовкой и дефлаграцией, то есть взрывом. А раз так, то говорить о пластичности мозга значит видеть в

нем не только создателя и получателя формы, но еще и фактор неповиновения всякой стандартизации, отказ подчиняться модели».⁷

Когда Малабу говорит о пластичности, как о возможности взрыва, она имеет в виду «онтологический взрыв», ведь любая форма в самой себе несет возможность само-преодоления и уничтожения. И дело здесь не только в гегелевской диалектике, но и в переходе от нейронного к ментальному, который до сих пор никак не станет прозрачным для понимания ученых. Малабу цитирует известного невролога Д. Леду, который говорит о невозможности формулировки синаптической теории личности – внутри данной трансформации присутствует разрыв и тайна. Малабу описывает эту трансформацию как встречу природы и истории, но не мирную встречу, скорее схватку, здесь есть конфликт, сопротивление, взрыв.

«Этот формообразующий эффект взрывчатки, это освободительное действие соответствует преобразованию одного режима в другой, одного устройства в другое, преобразованию, которое требует раскола, насильственного разрыва, прерывающего всякую преемственность».⁸

Этот взрывной потенциал нашего мозга, являющийся нашим биологическим основанием, никак не осмыслен и не преломлен политически, – вот чем обеспокоена Малабу. Поэтому она задается вопросом, почему в изменившемся мире все еще не случилось осознания этих изменений? Мы еще ничего не осознали – ни того, что мозг – это наше произведение, ни его деструктивный потенциал. Если мозг – это наше произведение, почему мы все еще воображаем его иначе – как центр управления, как машину? Почему власть все еще мерещится нам в устаревших представлениях – как централизованная и локализованная, хотя, как показал Фуко, она давным-давно децентрализована и рассеяна?

«Мы видим, что многие описания пластичности мозга в действительности суть неосознанные обоснования безграничной гибкости».⁹

«Гибкость» и «пластичность» – в своей книге Малабу делает принципиальный акцент, чтобы различить их. При кажущемся сходстве и синонимичности, они оказываются по разные стороны идеологических баррикад. Гибкость подменяет собой пластичность внутри капитализма. Гибкость – это всего лишь умение приспособиться, встроиться, адаптироваться, она лише-

на взрывной силы пластичности и ее основного свойства быть формообразующей. Все потому, что между нами и нашим мозгом что-то есть – Малабу говорит об идеологической завесе неолиберализма – своего рода мифологии глобального капитализма, которую все мы некритически разделяем.

Капитализм многое скрывает за этой завесой – он приучил нас быть *гибкими*, а не пластичными.

«Гибкость – это идеологический аватар пластичности».¹⁰

Гибкость – это конкурентоспособность, мобильность, креативность, etc. – но это «ложный друг», который заставляет нас терпеть и приспособливаться. Гибкость лишь кажется двойником пластичности, но это не так – она нацелена на подчинение и поддержание существующего порядка эксплуатации, на легитимацию отчужденного труда и политическую апатию. Гибкость нормативна, является порождением капитализма и его символического порядка. Тем самым капитализм уже обезоружил пластичность, создав ее ручного клона – гибкость лишена амбивалентности, этого внутреннего конфликта пластичности, обеспечивающего ее динамику. Деструктивный потенциал пластичности невидим и не востребован в риторике капитализма. Подлинная пластичность, которую Малабу предлагает нам осознать, состоит не только в действии, но и в возможности от него отказаться.

Следствием «нормализации» пластичности, являются своего рода «болезни гибкости» – неспособность индивида включиться в символический порядок капитализма маркируется как болезненное состояние, «неспособность занятости», вызывает фрустрации и болезненные состояния, требующие медицинского внимания. Ссылаясь на работы социологов А.Эренберга и Р.Кастеля, Малабу фиксирует депрессию в современном обществе как «страдания от исключения», что означает ценность быть включенным, а для этого надо быть гибким. Отсюда попытка реанимировать социальную жизнь через лекарственные препараты, воздействующие на нейроны.

«...с идеологической точки зрения сегодня невозможно провести строгое различие между нейродегенеративными заболеваниями и основными видами социальной неустроенности».¹¹

Для Малабу «быть гибким» – означает уступить капитализму в обмен на душевное спокойствие. Но эта сделка выгодна не всем, и цена за включенность будет все повышаться. Именно поэтому Малабу многократно подчеркивает, что быть гибким и действовать – это не то же самое, что быть пластичным и быть способным сопротивляться действию.

Пластичная онтология и свобода

Для того, чтобы продемонстрировать, как можно иначе осознать свой мозг и какие политические изменения из этого последуют, Малабу предлагает «позволить говорить человеку нейронному». Нужно проговорить и проблематизировать то, что на самом деле означает пластичность мозга, и как она формирует основание для нашей свободы, в отличие от навязанной нам гибкости. Только пластичность работает с границами гибкости, в то время как сама гибкость безгранична – и поэтому, до сих пор никто не знает, как глубоко кроличья нора неолиберализма.

Осознать нейро-пластичность – значит научиться различать биологическое и биополитику, в то время как мы склонны объединять их, тем самым обезоруживая биологическое, лишая его избыточности, которая не вписывается в политическое. Биология не вытесняет, не подменяет собой, политику, а дополняет ее, делает более сложной и объемной. Малабу создает своего рода пластичную онтологию, делая ставку на биологию и материальность. Но при этом важно не редуцировать её онтологическую концепцию к новому материализму, поскольку принципиальным моментом здесь является двойственность – чередование символического и материального.

Пластичная онтология Малабу – это онтология, возвращающая нам материальность, вместе с тем она не отрицает существование человека как рационального и духовного существа, не становится пост-человеческой, но дополняет человеческое телесными, материальными ресурсами. Человек не должен быть с головой погружен в символическое – нам нужно периодически «выныривать» чтобы набрать свежего воздуха. Именно таким ресурсом и оказывается пластичность мозга, а «сознание мозга», как осознание этой пластичности, позволяет выдохнуть и осмотреться, а не просто механически плыть и дальше в мутном идеологическом потоке.

Онтология пластичности деконструирует позитивный образ человека как гармоничной личности (например, в духе Айн Рэнд), восстанавливая в правах негативность – возможность взрыва, разрушения и радикального изменения. Малабу показывает, что определения человека как «хорошего» или «позитивного» достаточны только для капитализма, но человек, выкроенный по этим лекалам, никогда не будет самодостаточен. Так, быть «хорошим» означает быть «хорошим работником», но человек значительно больше своего трудового аватара. В свою очередь то, что мы как будто забыли об этом и представляем себя ограниченно, выступает симптомом современного состояния мира.

Так у Малабу появляется концепция субъекта как «противоречивой конструкции», биологически обусловленной, где конфликт между покорностью и взрывом никак нельзя преодолеть, но и не нужно этого делать.

«Исключая негативность из своих дискурсов, изгоняя конфликт из рассмотрения перехода от нейронного к ментальному, некоторые ученые зачастую не могут пойти дальше конформистской концепции успешной, «зрелой и гармоничной» личности. Но опять же, нам нет никакого дела до гармонии и зрелости, коль скоро они служат лишь тому, чтобы сделать из нас «работяг», эффективные молодые кадры и «пожилые дарования. Творить сопротивление нейронной идеологии – вот то, чего хочет наш мозг и чего мы сами хотим для него».¹²

Малабу в попытке вернуть нам утраченное, настаивает на нашей амбивалентности. Человек не реализуется только на работе, он больше этого представления. И здесь возникает свобода – потому что человек теперь не сливается с идеологией, не является ее частью, но может к ней примыкать, а может выпадать из нее или же ее трансформировать. Правда, чувство свободы, которое здесь возникает, является мрачным и темным, как замечает, например, Б.Далтон,¹³ – ведь свобода здесь травматична и деструктивна, – но зато она близка нам.

Наш путь к свободе, согласно Малабу – это отказ быть гибкими, но, при этом мы должны задействовать свое становление пластичными: да, мы по-прежнему будем адаптироваться и приспосабливаться, но не будем при этом забывать, что у всего есть предел, даже у капитализма.

«Быть может нам стоит вновь научиться приходить в ярость, взрываться, вопреки культуре покорности, приветливости, бесконфликтности, и это при том, что мы живем в постоянном состоянии войны».¹⁴

Свобода, которая основана на пластичности, возвращает нам будущее, поскольку она создает возможные миры, альтернативные существующему. Так, согласно Малабу, возникает «биологический альтерглобализм» – гибкость на это неспособна.

Что же нам делать с нашим мозгом? Малабу много говорит об осознании: осознать мозг в историчности и пластичности – обрести «сознание мозга»; осознать то, что мы его производим в гораздо большей степени, чем мозг производит нас. Это позволит проектировать себя не только как

работника – это проявление гибкости, а не пластичности – но проектировать любые проявления человеческого. Осознать деструктивный потенциал пластичности мозга – значит понять, что человек еще и свободен, а не только обречен на бесконечную подстройку в гонке самоэффективности.

Свобода, которую предлагает нам Малабу, телесно обусловлена взрывной характеристикой нейро-пластичности и возможна только как негативная. И эта негативность может быть, конечно, основанием для критики такой свободы – зачем нам нужно взрываться, отказываться встраиваться, зачем быть «ненормальными»? Но позитивное определение «нормальности» сконструировано идеологически, внутри капитализма, и, как не устает повторять Малабу, этого определения недостаточно.

На одной чаше весов лежит связка «символическое-гибкость-работа», на другой – «материальность-пластичность-свобода». Малабу посягает на то, чтобы уравновесить обе чаши, ослабить давление капитализма, обусловленное его неполной, половинчатой, версией натурализации нейронного. Капитализм предлагает работу вместо творчества, тотальный учет и контроль вместо досуга и избытка, покорность и гибкость вместо взрывной силы пластичности.

Осознать пластичность мозга – значит изменить пространство политического и расширить сети, не довольствуясь прокрустовым ложем неолиберализма. Мы не должны всегда только приспособливаться, заключает Малабу, у нас есть взрывной биологический ресурс, позволяющий «послать все к черту» и создать что-то новое. Пусть это новое станет уже в свою очередь символическим обобщением. Но у Малабу речь и не идет о полном отказе от символического – важно дополнить и уравновесить его материальными, телесными силами.

«Существует одна-единственная жизнь. В ней имеет место чередование, а не альтернатива».¹⁵

На первый взгляд, Малабу удается переиграть символическое, поскольку свобода здесь телесно, биологически обусловлена, и не является некой утопической идеей грядущей справедливости, подобно футуристическому проекту посткапитализма Н. Срничека и А. Уильямса.¹⁶ Однако, действия, которые она предлагает осуществить, разворачиваются все в том же символическом, – нам опять предлагается нечто осознать и осознанно менять политическое. Книга по своей стилистике написана в форме призыва, манифеста, – Малабу здесь часто изъясняется лозунгами, тем самым пропагандируя уже новую идеологию взрывной пластичности. Не

окажется ли в итоге нейро-пластичность новым берегом утопии, неловким и поверхностным переложением научных теорий и неоправданным, хотя и вдохновляющим, расширением ландшафта и тезауруса социальных наук за счет позитивных областей знания?

-
- ¹ Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом? М.: V-A-C Press, 2019, с. 8.
  - ² Там же, с. 9.
  - ³ См., например, статью Чубаров И., Сеченова Е. «Левая критика в эпоху платформенного капитализма» // Логос (том. 29), №6, 2019. сс. 275-309.
  - ⁴ Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом?, с. 17
  - ⁵ См., например, книгу Kleinherenbrink, A. V. The politics of plasticity: Sex and gender in the 21st century brain. University of Amsterdam, 2016 – исследование базируется на феминистских текстах и нейро-открытиях. Автор анализирует, как феминистский дискурс использует нейро-пластичность для решения своих задач и насколько это оправдано.
  - ⁶ Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом?, с. 29.
  - ⁷ Там же, с. 30
  - ⁸ Там же, с. 100.
  - ⁹ Там же, с. 36.
  - ¹⁰ Там же, с. 35.
  - ¹¹ Там же, с. 79.
  - ¹² Там же, с. 104.
  - ¹³ См.: Benjamin Dalton. Forgetting Plasticity: Catherine Malabou and the Brain Beyond Memory, 29th March 2018 – <https://iai.tv/articles/forgetting-plasticity-catherine-malabou-and-the-brain-beyond-memory-auid-1053>
  - ¹⁴ Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом?, с. 107.
  - ¹⁵ Там же, с. 21.
  - ¹⁶ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019, 336 с.